
ВЫСОКИЙ ПОРОГ АЛЕКСЕЯ ЛЕОНОВА

А. Д. Леонов. “Высокий порог”. Орел, изд-во “Вешние воды”, 2005 г., 752 с., тираж 1 тыс. экз.

Алексей Данилович Леонов (29.03.1929–22.03.2005) родился в д. Каменка Корсаковского (ныне Мценского) р-на Орловской области. Здесь, в средней полосе России, на благословенной земле Тургенева и Лескова, вбирал будущий писатель своеобразие говоров и речений, составляющих основу крестьянского мышления и бытия. К языку у писателя особое отношение. Вот что писал он в своей автобиографии: “Я узнал, что орловско-курские говоры составили основу русского литературного языка. Я стал обращаться памятью ко многим житейским сценам, подслушанным разговорам старших, к брани соседей и мужиков, к ребячьим сговорам, играм, раздорам, к пословицам и поговоркам в работе и на разные случаи непогоды, удач и невезений, словом, оказалось, что я владею таким запасом языкового багажа, при котором можно изображать целые картины реальной человеческой жизни”.

Свою первую книгу он издал в Ленинграде в тридцать девять лет, и это была книга уже сложившегося писателя, потому что ей предшествовали годы раздумий, хождений и трудов. Армия, работа в колхозе, затем на стройках дали уникальное знание жизни и людей. По литературным канонам того времени Леонова отнесли к “писателям-деревенщикам”, хотя от самой узости этого термина веет некоей ущербностью, особенно когда речь идет о творчестве мастера. Да, Леонов детально знает деревню и относится к ее труженикам с глубочайшей симпатией – но именно во время его вхождения в литературу, по свидетельству библиографического словаря “Русская литература XX века”, “Россия окончательно перестала быть крестьянской страной, так как численность городского населения резко превысила сельское. Драматизм перехода человека из сельского сословия в городское и стал стержневой темой творчества Леонова”.

Леонов оказался свидетелем сложнейшей и противоречивейшей панорамы двадцатого века, полной великих открытий и свершений, общенародного вдохновенного труда, страшных войн, реалий созидания и разорения великого государства. Но творчество его логично входит и в не менее сложный век двадцать первый, век “достоинства, что просит подаянья”, век попраiania Христовых заповедей, вытесняемых миражами золотого тельца.

Несмотря на внутренний оптимизм и поэтическую приподнятость, в последних произведениях писателя все более и более звучит тревога за гибель векового уклада деревни, за крушение советской цивилизации. Но тем мощнее ощущается в них необоримая нравственная сила, противостоящая разрушению, потоптанной “миссионерами”, но не усыпленный дух великой нации. И в том – главная гражданская направленность прозы Алексея Леонова.

Что бы ни показывал прозаик Алексей Леонов – страшную ли реальность гитлеровской оккупации, в которой, как в плену, оказались абсолютно безза-

щитными перед произволом немецких карателей женщины и старики (повесть “Гусиные крики”), личные ли проблемы мужика, вернувшегося с войны (“двоеженец” Никита Лазарев из рассказа “Австрийская коса”), крестьянские ли будни – как истинный художник, он не судит тех, кто оказался в сложнейших жизненных обстоятельствах, рецептов преодоления которых не даст никто. Спокойный мудрец, казалось бы, он стоит в стороне от сложнейших перипетий двадцатого века. Но мастерски отображенное движение души, развитие ситуации, схваченное пристальным взглядом думающего реалиста, неизбежно поднимают читателя на высоту его, леоновского порога: не судите, да не судимы будете. Нет, суд, конечно, есть. Но это – суд жизни, и жизни вечной, если она существует, и в этом неоднозначность и необъятность правды, показанной писателем. В мироощущении и пространстве Алексея Леонова, казалось бы, объективно трагическом, несоизмеримом с надуманными проблемами рутинных общественных эпох, внешне нет искусственно выпяченных черных или белых тонов, тем более морализаторских суждений. И это отличительный, особенный признак его прозы. Человек есть всего лишь развивающийся плод эволюции, состоящий из инстинктов, разума, вожделений и ошибок. Но красота его проявима прежде всего в победе высшего над низшим. Читая прозу А. Леонова, это мы видим и понимаем.

Повестью “Гусиные крики”, наверное, лучшей в леоновском творчестве, открывается первое посмертное издание мастера современной русской прозы. Повесть начинается как хорошо прописанная любовная драма. Благодаря таланту автора как пейзажиста, она с первых страниц воспринимается безоблачной пасторалью – несмотря на суровость зимней российской природы и спартанское бытие русских людей деревни. Но пастораль скоро рассеивается, и мы погружаемся в почти шекспировские трагедийные коллизии, обладающие той особенной силой, которую несут в себе непридуманная обыденность и простота. Читатель возмущен, когда разбитной красавец Георгий бросает охмуренную им главную героиню повести Веруху. Несмотря на позор, она собирается стать матерью, но случается несчастье, и она едва остается в живых. И новое предательство – ее лучшая подруга выходит за Георгия замуж. Вдвойне тяжело героине, ведь у них не город, их дома стоят рядом. Помыслы внимательного читателя еще поглощены сюжетом, пусть незамысловатым и старым, как мир, но внезапно он осознает, что автор подвел его к иному, более высокому порогу, за которым происходит величайшая переоценка ценностей, за которым былые удачи или поражения перестают восприниматься как таковые, теряя изначальные накал, значимость и даже смысл.

Личная драма перекрывается несоизмеримо большей, общенародной – начинается война. Ее жернова перемалывают судьбы – неся ежечасную угрозу смерти, меняя помыслы и деяния человеческие... На фоне зверств карателей, их грабежей и бесчинств еще большее отторжение вызывает относительное благополучие семьи Георгия, который стал предателем. В таком заблуждении пребывает читатель почти до конца повести, сочувствуя героине. И лишь потом открывается правда – и Георгий, и жена его работают на партизан, информируя о передвижениях немецких войск и техники. Фашисты сжигают их дом, как и дома многих односельчан вместе с людьми. А Георгия с женой прилюдно вешают, под страхом расстрела и во устрашение всем, запретив снимать их тела. Выжженная земля, голод, разорение, трупы близких людей... Чистая духом, отринувшая былую горькую обиду Веруха, рискуя жизнью, снимает с виселицы и хоронит тело Георгия. А в ее чуде уцелевшей избе ждут спасенные его малолетние сыновья-близняшки, о которых она будет заботиться. Озверевшие каратели с факелами подступают к ее дому, намереваясь сжечь остатки деревни, и лишь вой русских самолетов повергает их в бегство.

Пафос этой повести – гимн русской женщине, среди ада забывшей о себе, несмотря ни на что несущей продолжение жизни. И, как надпись на обелиске, однако не как реквием, по-новому воспринимается посвящение повести: “Женщинам, обездоленным войнами”.

Судьба Никиты и его жены – иная сторона уже минувшей войны (повесть “Австрийская коса”, и в ее названии – зловещий символ инерционного молота, калечащего судьбы людские на годы вперед, как поймет читатель позже). Большинство воевавших перебито, а семьи выживших разделяют лета разлук,

и каждодневная жизнь рядом со смертью. Никита возвращается домой. Уже капитан, хлебнувший пороху, грудь в медалях. Не молодой (старший сын погиб на фронте, дома ждут двое подросших детей и жена). А рядом – юная красавица-любовница, потерявшая родных, мать – в немецком плену. Покладистая и добрая, беззаветно в него влюбленная, ни о чем не догадывающаяся и верящая, что он ее надежда и опора... Что делать? Предать жену и детей – а ведь там вся жизнь... Предать ее, ничего не ведающую и юную?... Он все же возвращается – не может их не увидеть.

Никита селит любовницу в соседней деревне, отказывается от высокой должности, становится печником. Мы ждем, что он примет единственное решение, пусть горькое для кого-то, но... не дождемся этого. Планы Никиты меняются, одни чувства не могут справиться с другими. Но ложь не может быть вечной. И вот развязка. Догадавшись обо всем, жена покончила с собой. Той самой австрийской трофейной косой, которую привез он с войны. Сбегаёт от Никиты молодая любовница, на долгие годы проклинают дети...

Десять лет аскетического одиночества, сурового отшельничества печника, воздвигающего очаги для других – вот духовное испытание и искупление тому, кто порушил собственный очаг.

Надо сказать, книгу “Высокий порог” автор готовил к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, поэтому и начинается она с произведений военной тематики – сильнейших в творчестве писателя. Присутствуют в ней повести и рассказы о мирной жизни. Все их без исключения пронизывает тема любви, как основы жизни, и воспевание естественного ее продолжения и истинной святости – семьи. Кривда, нарушение вековых традиций предков и изначальных нравственных основ неизбежно ведут личность к духовному и физическому краху. Так ложные жизненные послы, легкомысленная стезя, когда плотские удовольствия становятся выше духовных, низвергают на дно прежнюю неотразимую и бойкую красавицу Любку, быстро превращая в опустившуюся и отталкивающую особу (рассказ “Директор бани”).

Вообще любовь в более широком плане как любовь к человеку – характерная черта писателя Леонова, она незримо присутствует в хрупком и незамысловатом кружеве его повествования. А ведь его герои совсем разные люди. Среди них истинные труженики, крестьяне, пахари, портреты которых лгут красотою вдохновенного созидания, и те, кто беспутно и бездарно прожигает свою жизнь.

По силе художественного воздействия не все леоновские произведения, представленные в книге, равнозначны. Однако их объединяют общие черты. Прежде всего богатая народная речь и пейзаж, о которых уже упоминалось и которые прочно и неотъемлемо вплетены в логику движения характеров, сюжета, почти не ощущаемыми мазками обозначая скрытые думы автора.

Несмотря на поэтичную протяженность повествований Алексея Леонова, схожую с протяжной народной песней (такое качество свойственно именно русским песням), его сюжеты драматичны и весьма зримы. Как бы ни показалось парадоксальным, на первый взгляд, в них хорошо просматривается именно это их почти “врождённое” качество, словно бы просящее переложить язык литературы на язык экранных образов. Думаю, отечественные кинорежиссёры, озаботившиеся утратой национального самосознания, должны черпать вдохновение именно у таких православных мыслителей, как Алексей Леонов.

Олег Ларионов,
г. Вологда